

О. В. Петрова

ЗАЩИТА ПРАВ ЛИЧНОСТИ, НАРУШЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ, КАК ЗАДАЧА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье 7 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) закреплено, что задачами уголовного процесса являются защита личности, ее прав и свобод, интересов общества и государства путем быстрого и полного расследования преступлений, общественно опасных деяний невменяемых, избличения и привлечения к уголовной ответственности виновных; обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый, кто совершил преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

Законодатель установил достаточно ясный приоритет – уголовный процесс призван в первую очередь обеспечивать защиту прав и свобод граждан, нарушенных преступлением. Достижение указанной цели является публичным или общественным интересом, к достижению которого стремятся органы уголовного преследования и суд. Основное значение для уголовного процесса защиты прав, нарушенных преступлением, признают и практики. На вопрос о том, защиту чьих прав в уголовном процессе государству необходимо обеспечивать в первую очередь, 23,6 % опрошенных нами судей, 17,5 % работников прокуратуры, 13,3 % адвокатов (всего – 212 человек) ответили, что необходимо обеспечивать защиту прав потерпевшего. При этом обеспечивать в первую очередь права обвиняемого посчитали необходимым только 1,4 % судей, 12 % адвокатов и так не посчитал нужным ни один из работников прокуратуры¹.

Вместе с тем такие лица, как потерпевший, гражданский истец, способствуя достижению задач уголовного процесса, при своем непосредственном участии в производстве по уголовному делу отстаивают собственные интересы. Представляется необходимым определить, каким образом интересы лиц, пострадавших от преступления, сочетаются с задачами уголовного процесса и в чем заключается сущность защиты прав и свобод личности, нарушенных преступлением, – деятельности, которую осуществляют как уполномоченные государственные органы, так и сами граждане.

Рассматривая поставленный вопрос, считаем необходимым исходить из того, что государственная защита прав и свобод, и судебная защита в частности, предоставлена всем лицам, независимо от их процессуального статуса (ст. 59, 60 Конституции). Равенство защиты прав и законных интересов всех граждан, участвующих в уголовном процессе, закрепляет и Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (ст. 10, 20). В силу указанных положений мы придерживаемся того, что все лица, участвующие в уголовном процессе, имеют право на защиту². Следовательно, при определении смысла защиты прав, нарушенных преступлением, следует исходить из общетеоретических представлений о сущности защиты.

Таким образом, целью права на защиту, как справедливо указывает Д. М. Чечот, как любого другого субъективного права, является удовлетворение интереса³. В науке уголовного процесса понятия «интерес» касается проблема соотношения общественных и личных интересов (интересов правосудия и интересов личности). Еще И. Я. Фойницкий определял в уголовном процессе общественное и личное начало⁴. Отметим, что в конце XIX – начале XX в. проблема соотношения общественных и личных интересов охватывала лишь взаимоотношения государства и обвиняемого, проблема интересов иных лиц, вовлеченных в сферу уголовного процесса, практически не рассматривалась. Так, по мнению Д. Г. Тальберга, в уголовном суде должны найти признание и защиту два интереса, равно важные и священные: это интерес общества, который требует наказания виновного за совершенное им преступление, и интересы обвиняемого, личные права которого во имя того же общественного блага должны быть гарантированы от всяких посягательств, не вызываемых нуждами юстиции⁵.

В советский период сохранилась указанная тенденция. При этом можно выделить противоположные взгляды на проблему соотношения интересов в уголовном процессе. Некоторые процессуалисты признавали конфликт между общественными и личными интересами. Так, по мнению Я. О. Мотовиловкера, когда в уголовном процессе создаются конфликтные ситуации и в коллизию вступают противоположные по своей направленности интересы, одновременное удовлетворение которых исключается, законодатель, взвесив все за и против, отдает предпочтение тем интересам, которые в данном случае считает более существенными⁶.

Все же в советском уголовном процессе в основном господствовала позиция о том, что в условиях социализма общественные и личные интересы едины. Так, по мнению В. Н. Бибило, подлинными интересами правосудия не страдают, если впредь развитие закона пойдет по пути расширения прав обвиняемого, ибо это еще в большей мере будет способствовать всестороннему, полному и объективному исследованию всех обстоятельств уголовного дела, а значит, и достижению цели уголовного процесса⁷.

Различие указанных точек зрения основано часто на неодинаковом понимании общественного интереса. Если в качестве публичного (общественного) интереса понимать борьбу с преступностью, тогда можно констатировать факт наличия противоречий между общественными и личными интересами, когда же учитывается необходимость осуществления государством приоритета прав личности в ходе борьбы с преступностью, то интересы общества и личности едины.

Вместе с тем сторонники обеих точек зрения сходятся в том, что государство защищает только законные интересы личности. З. В. Макарова указывает: «...законные интересы отдельного человека и есть публичный интерес»⁸. На такой позиции основывается и закон. Уголовно-процессуальный кодекс закрепляет обязанность органов государства удовлетворять только законные требования лиц, участвующих в процессе (ч. 1 ст. 10).

Зарубежная уголовно-процессуальная доктрина ставит вопрос не о соотношении общественных и личных интересов, а о приоритетах уголовно-процессуальной политики. За рубежом укоренились понятия контроля за преступностью (*crime control*) и надлежащей правовой процедуры (*due process of law*). Хэрберт

Пэккер охарактеризовал две основные модели процедур по уголовным делам: модель, учитывающая прежде всего защиту процессуальных прав подсудимого (*Due Process Model*), акцентирующая принцип автономности личности, и модель, направленная на контроль преступности (*Crime Control Model*), акцент, делается главным образом на эффективность производства по уголовным делам⁹.

Но в любом случае проблема соотношения общественного и личного интереса учитывает лишь интересы обвиняемого (подозреваемого).

Видимо, недостаточно рассматривать личный интерес как интерес обвиняемого или вообще лица, в отношении которого ведется уголовное преследование. В уголовном процессе, как указывает Л. Д. Кокорев, во многих случаях сталкиваются интересы не только общества и лица, обвиняемого в преступлении, или последнего и лица, пострадавшего от посягательства, но и других лиц, не имеющих непосредственного отношения к исследуемому уголовно-правовому конфликту, однако в том или ином качестве, по тем или иным причинам вовлеченных в орбиту уголовного процесса или заинтересованных в определенном исходе¹⁰.

Признавая, что каждый из участников уголовного процесса имеет право на защиту, равно как и обвиняемый (подозреваемый), возникает новое представление о соотношении общественных и личных интересов в уголовном процессе. В уголовном процессе определенное множество частных интересов противопоставляется как общественным интересам, так и друг другу.

Таким образом, цель защиты прав, нарушенных преступлением, – это сложное понятие, которое, с одной стороны, близко соприкасается с публичным интересом, так как закон ставит перед государственными органами цель не просто расследовать преступление, рассмотреть уголовное дело в суде, но тем самым защитить права и свободы граждан, нарушенные преступлением. Вместе с тем, с другой стороны, цель такой защиты представляет собой удовлетворение частного интереса.

С точки зрения общетеоретического подхода средства защиты устанавливаются с целью предоставления управомоченному лицу в случае нарушения его прав такой возможности, которая обеспечила бы ему восстановление нарушенного права, если это объективно возможно¹¹.

Уголовно-процессуальная деятельность должна служить в первую очередь обеспечению безопасности граждан, содержать эффективные средства защиты личности, чьи права и свободы нарушены преступлением (ст. 7 УПК).

Восстановление нарушенных преступлением прав личности государство возводит в ранг общественно значимого интереса, в публичных интересах привлекает виновное лицо к уголовной ответственности за нарушение интересов отдельной личности. Как указывает Л. М. Володина, реализация уголовного правоотношения означает, что все обстоятельства дела исследованы, преступление раскрыто, преступник привлечен к ответственности и наказан, общество ограждено от личности, представляющей угрозу его устоям, восстановлены нарушенные права потерпевшего (честь, достоинство, личная свобода и т. д.), возмещен материальный ущерб. Достигнуты в этом случае и задачи уголовного права, и цели уголовного процесса: потерпевший и общество защищены¹².

Представление об уголовно-процессуальной деятельности как о защите прав, нарушенных преступлением, диктует определение в качестве задачи уголовного

процесса защиту личности, ее прав и свобод (ч. 1 ст. 7 УПК). Хотя сегодня роль частного начала весьма существенно возросла, нельзя сводить уголовный процесс к защите прав частного лица. Вряд ли обоснованно под целью уголовного процесса понимать только защиту прав и свобод личности. Норма ст. 7 УПК Республики Беларусь более справедливо, чем ст. 6 УПК РФ, рассматривает задачей не только защиту личности, ее прав и свобод, но и защиту интересов общества и государства.

В соответствии с ч. 2 ст. 15 УПК обязанность защиты от преступных посягательств возложена на компетентные органы государства. Государственные органы, должностные лица, уполномоченные осуществлять уголовное преследование, обязаны в пределах своей компетенции принимать необходимые меры по обнаружению преступлений и выявлению лиц, их совершивших, возбуждению уголовного дела, привлечению виновных к ответственности и созданию условий для постановления судом законного, обоснованного и справедливого приговора.

Данные положения не отрицают право граждан непосредственно защищать свои права путем участия в уголовном процессе в качестве равноправного субъекта. Это – требование норм международного права. В соответствии с п. 4 Декларации принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью к жертвам следует относиться с состраданием и уважением их достоинства. Они имеют право на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию за нанесенный им ущерб в соответствии с национальным законодательством. В связи с этим в соответствии со ст. 28 УПК потерпевший имеет право в предусмотренном законом порядке участвовать в уголовном преследовании обвиняемого, а по делам частного обвинения – право выдвигать и поддерживать обвинения против лица, совершившего преступление.

Декларация основных принципов отправления правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью определяет необходимость обеспечения возможности изложения и рассмотрения мнений и пожеланий жертв на соответствующих этапах судебного разбирательства в тех случаях, когда затрагиваются их личные интересы (п. 6). Как убедительно отмечает Л. И. Кукреш, критерием выбора мер уголовно-правового воздействия на обвиняемого должны быть в первую очередь интересы общественной безопасности, права граждан¹³.

С самого начала производства, уже на стадии возбуждения уголовного дела, пострадавший от преступления должен иметь право излагать свое мнение по вопросам, разрешаемым органом, ведущим уголовный процесс, и, следовательно, его интересы должны учитываться при принятии решений по делу. Вместе с тем, как отмечает Л. И. Кукреш, лицо, пострадавшее от преступления, заявившее о совершенном в отношении него уголовно наказуемом деянии и требующее установления виновного лица и возмещения причиненного вреда только потому, что еще не возбуждено уголовное дело, не может иметь тех процессуальных прав, которыми оно наделяется после признания его потерпевшим или гражданским истцом¹⁴.

Далее, особо важно считаем, что при избрании и обжаловании мер пресечения должны приниматься во внимание интересы потерпевшего, и в первую очередь право на безопасность, для того чтобы избежать посткриминального воздействия. Уголовно-процессуальный закон закрепляет достаточно широкий круг мер, направленных на обеспечение безопасности потерпевшего и его близких (гл. 8 УПК).

Кроме того, на всем протяжении уголовного процесса потерпевший как участник уголовного процесса имеет возможность высказать свое мнение по вопросам, подлежащим разрешению по делу, заявляя ходатайства, участвуя в судебном заседании суда первой инстанции, кассационной, надзорной инстанции и при производстве по уголовному делу по вновь открывшимся обстоятельствам, обжалуя приговор и т. д. (ст. 50 УПК).

Следовательно, необходимо обеспечить потерпевшему возможность излагать мнение по вопросам, затрагивающим его интересы, которое должно учитываться органом, ведущим уголовный процесс, при принятии решений и самое главное при вынесении приговора.

Нововведением УПК 1999 г. стала возможность участия потерпевшего и его представителя в ходе судебной проверки законности применения мер пресечения (ч. 2 ст. 144). Однако при анализе практики не было выявлено ни одного случая такого участия. Это свидетельствует о необходимости более последовательной практической реализации гарантий прав потерпевшего в данном направлении.

Все же одной из основных целей участия лица, пострадавшего от преступления, видимо, необходимо считать *компенсацию причиненного вреда*, что должен обеспечивать уголовный процесс.

В настоящее время средством возмещения вреда, причиненного преступлением, остается гражданский иск. В силу принципа публичности обязанность доказывания характера и размера вреда, причиненного преступлением, возложена на органы уголовного преследования (ст. 89 УПК). В случаях, когда этого требует защита прав граждан, юридических лиц, государственных или общественных интересов, гражданский иск в уголовном процессе вправе предъявить прокурор (ч. 6 ст. 149 УПК). Кроме того, если гражданский иск остался непредъявленным, суд при постановлении приговора вправе по собственной инициативе разрешить вопрос о возмещении вреда, причиненного преступлением (ч. 8 ст. 149 УПК). Согласно ч. 5 ст. 10 УПК в случае причинения преступлением вреда орган уголовного преследования, суд обязаны принять меры к обеспечению гражданского иска.

Вместе с тем гражданский иск сложно назвать эффективным средством защиты прав, нарушенных преступлением. Как указывается в литературе, на практике имеют место случаи, когда о преступлении сообщают не с целью возмещения ущерба, а во имя привлечения лица к ответственности¹⁵. Такое положение часто является именно следствием проблемы взыскания в современных экономических условиях вреда, причиненного преступлением. Так, в среднем по нашей стране судебными исполнителями взыскивается только 42 % от подлежащего взысканию по приговорам суда имущественного вреда, причиненного преступлением¹⁶.

В связи с этим, учитывая сложность взыскания вреда с преступников, в современной уголовно-процессуальной литературе учеными и практиками выдвигаются предложения о введении компенсации причиненного преступлением вреда государством¹⁷.

Вопрос о государственной компенсации вреда потерпевшим ставился еще в XIX в. Так, социолог Э. Ферри указывал, что граждане платят государству налоги с тем, чтобы взамен получить от него определенные услуги, из которых самой важной является общественная безопасность. Он считал, что государство должно

вознаграждать лиц, пострадавших от преступлений, которые оно не сумело предупредить¹⁸.

Государственная компенсация ущерба, причиненного преступлением, – требование п. 12 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью – реализуется в уголовном процессе многих зарубежных стран.

На необходимость предусмотреть право потерпевшего на возмещение в полном объеме вреда, причиненного преступлением, и разработать соответствующий механизм его реализации Конституционный Суд Республики Беларусь обратил внимание еще в 1994 г.¹⁹ В настоящее время белорусское законодательство содержит только положение о компенсации вреда, причиненного совершением террористической акции, государством – ст. 17 Закона о борьбе с терроризмом²⁰.

П. В. Мытник считает, что, принимая во внимание экономические причины, государство не в состоянии взять на себя бремя по возмещению вреда и предлагает рекомендации по созданию специальных фондов, которые смогли бы полностью или частично возмещать вред, причиненный общественно опасным деянием²¹. Представляется, что возмещение вреда из общественных фондов не должно исключать государственной компенсации вреда, причиненного преступлением. Конечно, не во всяком случае государству необходимо возмещать такой вред. Во многих государствах такая компенсация выплачивается в случаях совершения наиболее тяжких насильственных преступлений.

Ограниченное применение компенсации поддерживается большинством практических работников. По данным проведенного нами анкетирования, 19,3 % опрошенных работников прокуратуры, 33,4 % судей, 34,9 % адвокатов положительно относятся к возможности введения государственной компенсации вреда, причиненного преступлением. В то же время 60 % работников прокуратуры, 37,5 % судей, 43,4 % адвокатов высказались за возможность введения такого порядка, но в строго определенных случаях.

Считаем возможным выработать следующие критерии определения случаев, при наступлении которых следовало бы установить компенсацию из государственных источников вреда, причиненного преступлением. Безусловно, такая компенсация должна выплачиваться государством при условии:

- совершения особо тяжких преступлений, повлекших причинение тяжких телесных повреждений или смерть потерпевшего;
- что вред не может быть возмещен в иной форме или из других источников;
- низкой материальной обеспеченности потерпевшего;
- добросовестного сотрудничества потерпевшего с органами уголовного преследования и суда;
- что причинение вреда не было следствием противоправного или провоцирующего поведения самого потерпевшего.

Таким образом, считаем, что причиненный преступлением вред должен компенсироваться государством. Очевидно, что реальное внедрение в практику уголовного процесса компенсации государством вреда, причиненного преступлением, в ограниченных случаях способствовало бы и повышению ответственности правоохранительных органов в обеспечении безопасности общества и его граждан.

Вместе с тем указанное свидетельствует, что традиционное уголовное правосудие лишь косвенно защищает права и свободы граждан – в ходе привлечения виновных к уголовной ответственности, хотя это и является конечной целью уголовного процесса. В мировой же практике функционирования уголовной юстиции зародилась новая тенденция – восстановительное правосудие, непосредственной задачей которого является защита прав, нарушенных преступлением.

Как отмечается в литературе, во второй половине XX в. цивилизованное общество наконец-то осознало «кризис наказания», кризис уголовной юстиции; распространяется движение, имеющее альтернативу лишению свободы, уголовной юстиции, выступая за замещение «возмездной» юстиции (*retributive justice*) юстицией «восстанавливающей» (*restorative justice*)²². В мире распространяется концепция восстановительного правосудия, которая основана на рассмотрении преступления как нарушения прав конкретного человека и как нарушения отношений в социальной общности.

Такой подход к преступлению предлагает иной взгляд как на нормы материального, так и на нормы процессуального права. С материальной точки зрения восстановительное уголовное правосудие предполагает своей целью не привлечение виновного к уголовной ответственности, а восстановление прав потерпевшего, возмещение вреда, причиненного преступлением, и восстановление социальных связей²³. С процессуальной точки зрения реализация таких целей, безусловно, требует иных, помимо традиционных для уголовной юстиции, неофициальных механизмов урегулирования конфликтов, вызванных преступлением.

Идея восстановительного правосудия получила закрепление на международном уровне.

Согласно п. 7 Декларации ООН основных принципов отправления правосудия для жертв преступлений или злоупотребления властью 1985 г.²⁴ следует использовать неофициальные механизмы урегулирования споров, с тем чтобы содействовать примирению и предоставлению возмещения жертвам. Согласно рекомендациям Совета Европы компенсация жертвам преступления может быть или уголовным наказанием, или заменой его, или назначаться в дополнение ему²⁵.

В случаях использования таких неофициальных механизмов урегулирования споров, как примирительные процедуры, посредничество, арбитраж, итогом производства по уголовному делу является не просто непосредственно защита прав лица, пострадавшего от преступления. Примирительные процедуры создают реальную возможность жертвам преступлений получить компенсацию.

В странах Совета Европы получила распространение практика создания при муниципалитетах примирительных комиссий, которые по делам о малозначительных преступлениях и преступлениях несовершеннолетних принимают меры к примирению потерпевшего и обвиняемого на основе возмещения последним причиненного преступлением морального и материального вреда²⁶.

В первую очередь идеи восстановительного правосудия должны учитываться при определении задач уголовного процесса. Справедливо, что ст. 7 УПК Республики Беларусь рассматривает защиту личности, ее прав и свобод как первостепенную задачу уголовного процесса. Вместе с тем Уголовно-процессуальный кодекс не ставит такую задачу, как возмещение вреда, причиненного преступлением. С введением системы восстановительного правосудия представляется, что такая за-

дача, как возмещение вреда, причиненного преступлением, должна обязательно быть закреплена в законе.

В настоящее время существуют предпосылки для развития рассматриваемого правосудия в Республике Беларусь – Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы закрепляют возможность примирения обвиняемого с потерпевшим. Примирение в белорусском уголовном процессе возможно по делам частного обвинения, а также в контексте реализации ст. 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Так, по данным Министерства юстиции Республики Беларусь, в 2002 г. в связи с примирением обвиняемого с потерпевшим было прекращено 618 уголовных дел, в том числе 201 уголовное дело публичного обвинения в уклонении от содержания детей²⁷.

Согласно п. 5 ч. 1 ст. 29 УПК уголовное дело частного обвинения подлежит прекращению за примирением лица, пострадавшего от преступления, с обвиняемым. Справедливо, что, когда преступлением главным образом нарушаются права граждан, а нарушение общественного интереса минимально, судьба уголовного дела, а следовательно, и реализация защиты прав, нарушенных преступлением, поставлена в зависимость от воли пострадавшего от него лица. Дела частного обвинения помимо способствования примирению позволяют снизить нагрузку на органы уголовного преследования. Особенно важно это в настоящее время, когда ч. 1 ст. 293 УПК предусматривает широкое участие прокурора в судебном разбирательстве по уголовным делам. Помимо этого закон предусматривает возможность прекращения дела, по которому преследование осуществляется в публичном порядке, в связи с примирением обвиняемого с потерпевшим (п. 2 ч. 1 ст. 30 УПК).

В настоящее время, однако, ст. 30 УПК и ст. 89 УК не учитывают, что для того, чтобы примирение соответствовало интересам потерпевшего, прекращение дела должно осуществляться в указанных случаях при условии возмещения или компенсации иным образом причиненного преступлением вреда. Нельзя полностью согласиться с предложением в качестве одного из условий примирения потерпевшего и обвиняемого законодательно закрепить мировое соглашение гражданского истца с обвиняемым или гражданским ответчиком²⁸.

Значимость общественного интереса по делам публичного обвинения предполагает, что обвиняемый может быть освобожден от уголовной ответственности только в случае, если права, нарушенные преступлением, восстановлены и, соответственно, в полной мере заглажен вред. В противном случае данную категорию уголовных дел следует отнести к категории дел частного обвинения. С другой стороны, прекращение уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим должно быть стимулом к тому, чтобы жертва преступления получила возмещение вреда, поэтому должно быть обусловлено требованием, чтобы обвиняемый возместил или иным образом загладил причиненный вред. При этом считаем, что повысить эффективность примирения, существующего в рамках уголовного процесса Республики Беларусь, невозможно без учета всех возможностей компенсации обвиняемым причиненного вреда. Не следует ограничиваться возмещением его в денежном выражении.

В связи с этим считаем, что ст. 30 УПК Республики Беларусь следует дополнить частью четвертой следующего содержания: *«Прекращение производства по*

уголовному делу в связи с примирением с потерпевшим допускается только в случае, если обвиняемый возместил или иным образом загладил причиненный преступлением вред». Кроме того, ст. 89 УК после слов «с потерпевшим» следует дополнить словами «и возместило или иным образом загладило причиненный ему вред».

Вместе с тем одного существования возможности прекратить уголовное дело за примирением обвиняемого с потерпевшим недостаточно. Необходима разработка институтов, которые будут заниматься проведением примирительных процедур, регламента их проведения. Кроме того, необходимо законодательное согласование действия механизмов традиционного правосудия и механизмов примирения. Отметим, что уже существуют предложения по необходимому изменению и дополнению Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов Республики Беларусь, сделанные профессором В. М. Хомичем²⁹.

Таким образом, реализация таких неперемных задач восстановительного правосудия, как возмещение вреда, причиненного потерпевшему, восстановление социальных связей, нарушенных совершенным преступлением, и существование неофициальных механизмов урегулирования споров в сфере уголовной юстиции – два взаимосвязанных и взаимообусловленных элемента.

Подводя итог сказанному, отметим, что защита прав, нарушенных преступлением, предполагает не только учет интересов потерпевшего при применении мер уголовно-процессуального принуждения и уголовной ответственности, но и компенсацию причиненного вреда. Уяснение сущности назначения защиты прав, нарушенных преступлением, а также предложения по совершенствованию законодательства, изложенные в настоящей статье, будут способствовать более полной реализации задач, поставленных перед органами уголовного преследования и судом.

---

¹ Опрос проводился в 2002 году.

² Более подробно о позиции автора по этому вопросу см.: *Петрова О. В.* Проблемы обеспечения защиты прав и свобод личности в уголовном процессе Республики Беларусь // *Вестн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3.* 2002. № 2. С. 109–114; *Петрова О. В.* Теоретические аспекты законодательного закрепления защиты прав личности в уголовном процессе Республики Беларусь // *Право и демократия: Сб. науч. тр. / Отв. ред. В. Н. Бибило.* Мн., 2002. Вып. 12. С. 104–111 и др.

³ *Чечот Д. М.* Субъективное право и формы его защиты. Л., 1968. С. 37.

⁴ *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства / *Общ. ред., послесл., примеч. А. В. Смирнова.* СПб., 1996. Т. I. С. 11.

⁵ *Тальберг Д. Г.* Русское уголовное судопроизводство: Пособие к лекциям. Киев, 1889. Т. 1. С. 4.

⁶ *Мотовиловкер Я. О.* О гарантиях интересов личности и правосудия // *Советское государство и право.* 1974. № 6. С. 103.

⁷ *Бибило В. Н.* Конституционные принципы правосудия и их реализация в стадии исполнения приговора. Мн., 1986. С. 96.

⁸ *Макарова З. В.* Защита в российском уголовном процессе: понятие, виды, предмет и пределы // *Известия вузов. Правоведение.* 2000. № 3. С. 230.

⁹ *Франковски С., Гольдман Р., Лентовска Э.* Верховный Суд США. Права и свободы граждан / *Пер. с англ. И. Крашельской.* Варшава, 1997. С. 186–188.

¹⁰ *Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве / Л. Д. Кокорев, Д. П. Котов, О. Я. Баев и др.; Науч. ред. Л. Д. Кокорев.* Воронеж, 1984. С. 47.

¹¹ *Тихонова Б. Ю.* Субъективные права советских граждан, их охрана и защита: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1972. С. 12.

¹² *Володина Л. М.* Механизм обеспечения прав личности в российском уголовном процессе: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1999. С. 128.

-
- ¹³ *Кужреи Л. И.* Некоторые вопросы защиты прав потерпевшего в уголовном процессе // Теоретическое и практическое обеспечение реформы в сфере борьбы с преступностью в Республике Беларусь: Материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22–23 апр. 1999 г. / Редкол.: В. М. Хомич и др. Мн., 1999. С. 301.
- ¹⁴ *Кужреи Л. И.* Является ли заявитель, пострадавший от преступления, участником уголовного процесса // Эффективность уголовной юстиции в контексте верховенства права: Материалы междунар. науч. конф., Минск, 17 окт. 2003 г. / Белорусский государственный университет; Редкол.: А. В. Барков и др. Мн., 2003. С. 138.
- ¹⁵ *Мытник П. В.* Ответственность за вред, причиненный преступлением потерпевшему // Юридическая ответственность. Проблемы теории и практики: Сб. науч. тр. / Под ред. В. А. Кучинского, Э. А. Саркисовой. Мн. 1996. С. 108–109.
- ¹⁶ Работа судов Республики Беларусь в первом полугодии 2004 года // Юстиция Беларуси. 2004. № 6. С. 16.
- ¹⁷ *Квашиц В. Е.* Основы виктимологии. Проблемы защиты прав потерпевшего от преступлений. М., 1999. С. 225–226.
- ¹⁸ *Ферри Э.* Уголовная социология. СПб., Б. г. Ч. II. С. 365.
- ¹⁹ О совершенствовании законодательства, регулирующего возмещение вреда, причиненного гражданам неправомерными действиями: Решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 7 нояб. 1994 г., № Р–6/94 // Веснік Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь. 1995. № 1. С. 61–62.
- ²⁰ Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2002. № 6. С. 19–26.
- ²¹ *Мытник П. В.* Потерпевший в досудебных стадиях уголовного процесса: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Мн., 2001. С. 24.
- ²² Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): Тенденции и социологическое осмысление / Я. Гилинский, В. Афанасьев, Н. Бараева и др.; Отв. ред. Я. И. Гилинский; Рос. акад. наук, Социол. ин-т. СПб., 2000. С. 365.
- ²³ Crime and criminal justice in Europe. Strasbourg, 2001. P. 44–46.
- ²⁴ Международные акты о правах человека: Сб. док. / Сост.: В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева. М., 2002. С. 169–171.
- ²⁵ The position of the victim in the framework of criminal law and procedure: Recommendation No. R (85) 11 and explanatory report. Strasbourg, 1996. P. 20–21.
- ²⁶ *Бойков А. Д.* Законность и целесообразность в уголовном судопроизводстве // Законность в Российской Федерации / В. Н. Кудрявцев, Ю. А. Тихомиров, Н. М. Колосова и др. М., 1998. Гл. 12. С. 198–199.
- ²⁷ Отчет о работе судов первой инстанции по рассмотрению гражданских и уголовных дел за 2002 г. // Архив Министерства юстиции Республики Беларусь.
- ²⁸ *Пыталев Р. М.* Теоретические и прикладные проблемы гражданского иска в уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Мн., 2002. С. 6.
- ²⁹ *Хомич В.* Введение ювенальной юстиции в Республике Беларусь: стандарты и перспективы // Юстиция Беларуси. 2005. № 2. С. 32.